

**Общецерковная аспирантура и докторантура  
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия**

*На правах рукописи*

**Акимов Виталий Викторович**

**БИБЛЕЙСКАЯ КНИГА ЕККЛЕЗИАСТА  
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ МУДРОСТИ  
ДРЕВНЕГО ЕГИПТА**

Автореферат диссертации  
на соискание ученой степени  
доктора богословия

Москва – 2013

Работа выполнена в Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени святых Кирилла и Мефодия

Научный консультант: **Селезнев Михаил Георгиевич**,  
кандидат филологических наук

Официальные оппоненты: **Кормышева Элеонора Ефимовна**,  
доктор исторических наук, профессор, директор  
Международного учебно-научного центра  
египтологии имени В. С. Голенищева (РГГУ)

**Рашковский Евгений Борисович**,  
доктор исторических наук, директор научно-  
исследовательского центра религиозной  
литературы Всероссийской государственной  
библиотеки иностранной литературы

**Арсений (Соколов), игумен**,  
доктор богословия, клирик Всехсвятского  
прихода РПЦ г. Лиссабон

Ведущая организация: **Институт Востоковедения РАН**

Защита состоится 8 ноября 2013 г. в 11:30 в Общецерковной аспирантуре и докторантуре на заседании Общецерковного диссертационного совета по адресу: г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия.

Автореферат разослан 8 сентября 2013 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
кандидат богословия \_\_\_\_\_ протоиерей Владимир Шмалий

## I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертационном исследовании впервые в русскоязычном богословии проводится детальный анализ текстов библейской Книги Екклесиаста и памятников литературы мудрости Древнего Египта. **Актуальность** данного исследования имеет несколько аспектов. Во-первых, она обусловлена необходимостью осмысления понятия богодухновенности Библии в контексте современных представлений об истории литератур древнего мира. В последние полтора столетия были сделаны значительные открытия в области изучения литератур народов Древнего Ближнего Востока. Был найден и расшифрован целый ряд древних литературных текстов, которые содержали достаточное количество параллелей к библейскому тексту. Полученные таким образом новые данные открыли новые перспективы в интерпретации библейских текстов, а также поставили вопросы о месте библейских текстов в древней литературной традиции Ближнего Востока, о литературных влияниях на библейский текст, о литературных источниках Библии, наконец, о достоинстве Библии как Священного Писания, имеющего богодухновенный характер, о самом понимании богодухновенности Библии. Решение этих вопросов имеет для православного богословия огромное значение.

Во-вторых, актуальность изучения Книги Екклесиаста связана с неизменной актуальностью основных вопросов, которые ставятся на страницах этой книги. Это жизнеполагающие вопросы о смысле человеческого существования и смысле человеческой деятельности в перспективе неизбежной смерти. Проблемы смысла жизни и деятельности, проблемы переживания социальных потрясений и социальной несправедливости неизбежно встают перед каждым человеком вне зависимости от его национальности, происхождения, социального положения и той эпохи, в которой он живет. Чудовищная статистика о суицидах, происходящих в ряде стран бывшего Советского Союза, говорит о том, что большое количество наших современников не находят внутри себя решения проблемы смысла жизни. В этой связи особенно интересен взгляд на подобные проблемы древних восточных мудрецов и автора библейской Книги Екклесиаста.

В рамках русскоязычной богословской традиции **научная новизна** исследования определяется тем, что до настоящего времени не проводилось исследований, в которых бы глубоко и детально анализировалась связь библейской Книги Екклесиаста с древними памятниками других народов, относящимися к межнациональной литературной традиции мудрости. Отсутствие соответствующих исследований объясняется тем, что отечественная библеистика рубежа XIX-XX веков застала только самое начало открытий в области изучения древней ближневосточной литературы и только самые первые результаты этого изучения. Большую же часть XX века библейские исследования в данной области практически не проводились. В

отечественной библейской литературе обычно встречается только общее утверждение о принадлежности Книги Екклесиаста к литературе мудрости, упоминание ряда наименований связанных с этой книгой древних текстов, а также упоминание некоторых конкретных параллелей. При этом древние тексты других народов используются главным образом в качестве своеобразного цитатника, а проблемы, волновавшие древних ближневосточных авторов, затрагиваются поверхностно. Нет исследований, в которых бы специально ставился вопрос о той роли, которую может сыграть сравнительное изучение Библии и древних литератур в деле интерпретации и перевода библейских текстов. Новой в данном исследовании представляется попытка решения вопроса о богодухновенности Книги Екклесиаста в контексте древних литературных параллелей к этой книге. Что касается западной библеистики, то среди огромного количества исследований Книги Екклесиаста нам не удалось найти отдельной работы, посвященной комплексному сравнительному анализу библейской книги и древнеегипетской литературы мудрости.

**Объектом исследования** является традиция литературы мудрости Древнего Ближнего Востока, которая имеет характерные общие черты и отражена в целом ряде письменных памятников, в том числе и в Библии. **Предмет исследования** – взаимосвязь памятников этой традиции, рассматриваемых в широком и узком литературном, культурном, религиозном контексте, позволяющая выявить богословское своеобразие Книги Екклесиаста в контексте литературы мудрости Древнего Египта.

Диссертация имеет хронологические **границы исследования**, которые определяются выбором произведений древнеегипетской литературы мудрости. Для сравнительного анализа с Книгой Екклесиаста были взяты не все египетские памятники традиции мудрости, но те, которые были созданы в классический период древней египетской литературы, то есть в эпоху Среднего Царства (1980 – 1760 г. до Р. Х., XI-XII династии) и во время сопутствующих этой эпохе Первого (2118 – 1980 г. до Р. Х., IX-X династии) и Второго (1759 – 1539 г. до Р. Х., XIII-XVII династии)<sup>1</sup> переходных периодов. Исключением может являться только «Поучение Птаххотепа», которое, впрочем, иногда датируется не эпохой Древнего Царства, а временем XII династии Среднего Царства. В период расцвета литературы, который наступил после кризиса падения Древнего Царства, были созданы произведения, которые стали образцовыми для многих последующих поколений. На протяжении столетий памятники этой классической поры сохраняли свою неизменную популярность, о чем свидетельствуют дошедшие до нас копии, сделанные в более позднее время, когда эти памятники изучались в школах, копировались учениками на папирусе и черепках.

---

<sup>1</sup> Ancient Egyptian Chronology. Edited by Erik Hornung, Rolf Krauss, and David A. Warburton; with the assistance of Marianne Eaton-Krauss. Leiden – Boston: Brill, 2006. (Handbook of Oriental studies. Section 1, The Near and Middle East; v. 83). P. 491-493.

Исследование осуществлялось в соответствии со следующими **богословскими принципами**:

- признание богодухновенности Священного Писания;
- представление о богочеловеческом характере Библии, из чего следует необходимость учета исторического, культурного, литературного контекста, в котором создавался священный текст;
- понимание Писания в свете Предания Церкви;
- признание единства Ветхого и Нового Заветов и толкование Ветхого Завета в свете Нового Завета;
- признание единства Библии и толкование каждой отдельной библейской книги с учетом общебиблейского контекста;
- признание христоцентризма, мессианизма Библии;
- представление об изучении Библии как форме Богопознания и Богообщения, откуда вытекает необходимость жизни в соответствии с библейскими ценностями (целью изучения Библии является применение библейского учения в жизни), а также сочетание чтения Библии и молитвы;
- признание многоплановости содержания Библии, различных смысловых уровней библейского текста.

**Методология исследования** исходит из представления о богодухновенности Библии и ее богочеловеческом характере. Православное понимание богодухновенности опирается на признание двуединства библейского текста, в котором божественные истины выражаются конкретным человеком, так что внешняя форма их выражения несет на себе отпечаток личности этого человека, исторических и культурных обстоятельств, отпечаток, связанный с местом и временем написания. При таком понимании богодухновенности изучение влияния древней восточной литературы на библейский текст, литературных параллелей, является своего рода изучением «человеческой природы» сакрального текста.

Этот важнейший принцип православной герменевтики, утверждающий божественно-человеческое двуединство библейского текста, делает необходимым использование **исторического и филологического методов**. В соответствии с этими методами, объект исследования рассматривался в историческом контексте сквозь призму связей и отношений, изучался как результат исторического развития, испытывавший на себе и воздействие внешних исторических обстоятельств, и влияние других литературных источников.

Тема диссертации, предполагающая сопоставление древних текстов, определяет использование в ходе исследования **сравнительного метода**. Использование **системного подхода** согласуется с общим православным представлением о совокупности библейских книг Ветхого и Нового Завета как едином Священном Писании. Кроме того, рассматриваемые в диссертации Книга Екклесиаста и памятники Древнего Египта являются частью единой литературной традиции, имеющей характерные черты, определенный набор тем и проблем.

Большое внимание в работе уделяется вопросам **герменевтики текста**. Исследование включает в себя лексико-синтаксический, текстологический, контекстуальный, историко-культурный анализ и ставит целью интерпретировать текст, добиться наиболее адекватного его понимания. Особое значение имеет метод, который развил Меир Вайс и который получил название **метода целостной интерпретации**. В основе данного метода, направленного на прояснение смысла священного текста как единого целого, лежит представление о том, что библейские тексты являют единство формы и содержания. Это единство обнаруживается при «стремлении прояснить целое в свете частных и прояснить частности – в их отношении к целому» (М. Вайс). При таком подходе к тексту Библии учитываются также словесные и тематические параллели с памятниками древней литературы.

Приступая к исследованию, автор полагал, что сравнительный анализ библейской книги и египетских произведений литературы мудрости может позволить определить общие подходы, значимые для богословского изучения библейской литературы мудрости, для понимания, толкования, перевода памятников этой литературы, для понимания понятия богодухновенности.

**Цель исследования** – выявить значение памятников древней ближневосточной межнациональной литературной традиции мудрости для понимания, толкования и перевода текста Книги Екклесиаста, для определения богодухновенного характера этой библейской книги.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- рассмотреть историю толкования и изучения Книги Екклесиаста, определив важнейшие проблемы, связанные с ее исследованием;
- провести анализ масоретского текста библейской Книги Екклесиаста с учетом современных текстологических данных и наиболее значимых древних (в первую очередь, Септуагинты) и современных переводов (обращая особое внимание на русские переводы), а также с учетом древней и современной экзегетики этой книги;
- рассмотреть общие черты древней ближневосточной традиции мудрости, показав, что библейская Книга Екклесиаста является органичной частью этой традиции;
- определить роль цивилизации Древнего Египта в истории древнего еврейского народа, что позволяет говорить о допустимости литературного влияния памятников египетской литературы на литературу библейскую;
- рассмотреть литературные памятники традиции мудрости Древнего Египта, определив их место в историческом, культурном и религиозном контексте древнеегипетской цивилизации;
- выявить общие темы и проблемы, которые поднимаются на страницах Книги Екклесиаста и египетских памятников, а также возможные цитаты и парафразы из египетских текстов в библейской книге;
- сделать детальный сравнительный анализ фрагментов библейской книги и египетских произведений с учетом текста оригинала, а также узкого и

широкого литературного, культурного, исторического и религиозного контекста;

– выявить своеобразие подхода библейского автора к решению общих с другими произведениями литературы мудрости проблем и рассмотрению общих с ними проблем, что может позволить говорить об идейном своеобразии библейской книги и ее богодухновенном характере.

В ходе сравнительного изучения Книги Екклесиаста и древнеегипетских произведений литературы мудрости автор пришел к следующим **результатам:**

1. Книга Екклесиаста в полной мере обладает чертами, характерными для древней ближневосточной литературы мудрости: она происходит из городской (придворной или школьной) среды, имеет воспитательную цель, отличается общечеловеческим характером затрагиваемых проблем, выходит за рамки ряда традиционных представлений (в том числе и религиозных), учит искусству практической жизни, имеет поэтический характер, использует традиционную для литературы мудрости лексику.

2. Озабоченность Екклесиаста проблемами простых людей, симпатия к ним (в отличие от высокопоставленных египетских авторов) свидетельствует об укорененности библейской книги в самих истоках традиции мудрости, в народных пословицах и поговорках.

3. Для произведений мудрости характерно взаимное литературное влияние, которое легко переходит национальные и религиозные границы. Это становится возможным благодаря общечеловеческому характеру затрагиваемых в этих произведениях проблем.

4. Одинаковые темы, проблемы, мысли, фразы, высказывания в текстах различных произведений мудрости могут использоваться в рамках конкретных текстов для выражения самых разных идей.

5. Влияние литературы Древнего Египта на Библию обусловлено глубиной взаимодействия и влияния Древнего Египта на Древний Израиль, о чем свидетельствует и библейский текст, и данные археологии.

6. С точки зрения православного учения о богодухновенности изучение литературных влияний и источников Книги Екклесиаста является изучением земной родословной Священного Писания, что помогает ее правильному пониманию.

7. Отсутствие стройного плана в содержании книги следует считать частью авторского замысла и отражением общего его настроения. Наиболее общую структуру книги следует определять исходя из еврейского деления книги на две большие части, поскольку оно отвечает внутреннему содержанию книги.

8. Если речь идет о передаче тех смыслов, которые вкладывал в книгу ее древнееврейский автор, то в качестве основы для перевода Книги Екклесиаста предпочтительнее использовать еврейский (а не греческий) текст.

9. Противоречивость содержания и святоотеческая традиция понимания этой противоречивости (Григорий Чудотворец, Иероним, Григорий Двоеслов) свидетельствуют об отражении в книге внутреннего диалога. Это подтверждают и близкие к библейской книге древние тексты («Разговор разочарованного со своим Ба», «Размышления Хахаперрасенеба со своим сердцем»).

10. Вторым участником диалога в Книге Екклезиаста, о чем говорят и особенности синтаксиса, и ближневосточные параллели, следует считать персонифицированное сердце автора. Сердце как собеседник выражает традиционные взгляды на поведение и воздаяние.

11. Термин «сердце» во всех текстах употребляется и для обозначения всего человека, и для обозначения интеллектуального, волевого и эмоционального проявления человека. Сердце выступает и как нравственный арбитр. Екклезиаст и Хахаперрасенеб персонифицируют сердце. Птаххотеп представляет сердце как орган божественного воздействия на человека

12. Острота рассуждений о проблемах жизни, и возникающий от этого скепсис могут быть связаны с историческими обстоятельствами, в которых создавались библейский и древнеегипетские тексты. Однако это влияние не может иметь определяющей роли при постановке вопросов о смысле жизни и проблеме смерти.

13. Острота вопроса о смысле жизни и деятельности, о воздаянии в Книге Екклезиаста связана с тем, что ее автор не имеет четких представлений о жизни и воздаянии после смерти и чужд египетским представлениям о жизни после смерти и египетского культа мертвых. В рамках ветхозаветной традиции нет другой книги, в которой бы проблема смерти ставилась так остро.

14. Постановка проблемы смерти в библейской книге порождает жажду вечной жизни и суда, а в египетских текстах (в «Песни арфиста») – связана с реакцией на чрезмерную увлеченность формальной стороной культа мертвых и приводит к утверждению значимости жизни до смерти.

15. Египетский термин «маат» по своему содержанию близок к библейским терминам «заповедь», «праведность», «мудрость».

16. В структуре текста «Размышлений Хахаперрасенеба» можно выделять три части, каждая из которых завершается обращением к сердцу.

17. Образ фараона в «Обличениях поселянина» напоминает образ Бога в Книге Екклезиаста. Противоречивость суждений в Книге Екклезиаста сродни той противоречивости, с которой оценивает Ренси поселянин. Противоречивость проистекает от неведения Екклезиаста и поселянина о замыслах Бога и Ренси (и фараона).

18. Общие с египетскими авторами переживания Екклезиаста по поводу зла и несправедливости отличаются особой остротой вследствие отсутствия у него ясных представлений о загробной перспективе. Успокоение он находит только в вере в Живого Бога, Который безразличен к судьбам человека. Он приходит к смирению, которое в дальнейшей истории библейской традиции



вознаграждается Откровением Бога, явленным в Новом Завете, откровением о человеческом бессмертии, Божественном Суде и Царстве Божиим. Чаще всего сетования египетских авторов по поводу зла и несправедливости связаны с конкретными обстоятельствами, рассуждения же Екклезиаста имеют наиболее общий характер. Поэтому в отличие от них, Екклезиаст подчеркивает, что бедствия были всегда. Кроме того, Екклезиаст проявляет больше симпатии к простым людям.

19. Проведенное изучение текстов говорит о том, что подобный сравнительный анализ имеет значимость для экзегезы Книги Екклезиаста. Он позволяет выделить диалогичный характер книги (в контексте «Разговора разочарованного» и «Размышлений Хахаперрасенеба»), выявить игру слов в Еккл. 1:10 (термин דָּבָר в контексте «Размышлений Хахаперрасенеба» и «Пророчества Неферти»), истолковать Еккл. 8:10 в русле традиционного представления о забвении памяти грешника (в контексте «Обличений поселянина»), переводить דְּבָרֵי חָכְמָה из Еккл. 12:10 как «мудрые слова» и предпочесть следующую трактовку отрывка Еккл. 9:14-15: мудрый бедняк мог спасти город, но о нем не вспомнили (в контексте «Поучения Птаххотепа»), наконец, понимать призыв Екклезиаста есть хлеб и одеваться в светлые одежды (Еккл. 9:7-9) как своеобразную карикатуру на участие в религиозном обряде и проявление скептицизма (в контексте «Песни арфиста» и «Поучения Мерикара»).

20. Сравнительный анализ позволил выделить следующие черты, темы и вопросы, общие для Книги Екклезиаста и египетских текстов:

(1) надписание с именем автора, его занятием, местом пребывания, характеристикой содержания (в «Поучении Птаххотепа», как и в библейской книге – двойное надписание); (2) фиктивный образ автора и перенесение описываемых событий в прошлое; (3) автор – коллекционер мудрости, признающий свое несовершенство и стремящийся обогатиться мудростью, даже собственноручно записывающий слова; (4) автор – высокопоставленный человек, который многого добился в жизни, и который на исходе своих дней поучает своего сына правилам жизни; (5) обращение наставлений к сыну, но на самом деле – к более широкой аудитории; (6) описание результатов успешной деятельности автора; (7) благодаря правильному поведению автор превзошел всех своих предшественников; (8) необходимость получать назидание через слушание; (9) невозможность высказать нечто совершенно новое; (10) мимолетность всего в мире и скоротечности жизни; (11) постоянная смена поколений на фоне постоянного круговращения солнца; (12) зыбкость, изменчивость положения человека в мире; (13) неотвратимость смерти; (14) невозможность возврата и неизвестность того, что ждет после смерти; (15) упоминание об отсутствии сына и брата в контексте грядущей смерти; (16) необходимость человека жить в радости, в том числе и в перспективе грядущей смерти; (17) превосходство жизни над смертью, и необходимость бережного отношения к жизни; (18) представление об идеале правды, истины, справедливости,

гарантом которого является Бог; (19) жизненный успех связан с правильным поведением, богатство и успех – божественный дар; (20) мысль о том, что радость от жизни, от богатства человек получает тогда, когда к нему благоволит Бог; (21) представление о божественном суде и конечном торжестве правды; (22) осуждение вымогательства, алчности с напоминанием о смерти (человек на унесет имущество с собой в могилу); (23) представление об ограниченности человека, непостижимости Божества и вытекающей отсюда необходимости смирения человека; (24) необходимость смирения перед царем; (25) противопоставление мудрого и глупого, подчеркивание важности мудрости; (26) необходимость совершать нравственные поступки, заботясь о добром имени; (27) обеспокоенность социальной несправедливостью и нарушением правосудия; (28) при описании бедствий противопоставление реальности и идеала; (29) признание того, что все люди творят зло; (30) сходное описание социальных потрясений, нарушения общественной иерархии, переживаний по поводу потери имущества; (31) превосходство смерти над жизнью, зачастую в связи с рассуждениями о несправедливости; (32) критика традиционных представлений, в том числе представлений о воздаянии за грех и благословении за праведность, о важности участия в религиозном ритуале; (33) о произвольном действии божественной воли; (34) неверность и неблагодарность подвластных людей, недолговечность памяти народа; (35) призыв не проявлять чрезмерную заботу о завтрашнем дне; (36) утилитарные мотивы в ряде советов; (37) предостережения относительно женщины; (38) слабость человека, когда он оказывается один; (39) сочетание утилитарного и этического мотива в оценках человеческих поступков; (40) представление о силе и действенности слова; (41) мудрость и красноречие не зависят от социального положения человека; (42) сходное употребление образа сердца для обозначения человека в целом или его волевых, эмоциональных или интеллектуальных проявлений; (43) описание старости.

21. Центральная проблема, которая волновала Екклезиаста, но которая не имела особого значения в египетских текстах – проблема смысла жизни и деятельности на фоне неотвратимой смерти. Этой проблеме сопутствовали такие мотивы, как мимолетность, страдания, несправедливость, торжество зла. Екклезиаст показывает, человеческая мудрость вне Бога приводит к обесмысливанию существования мира и человека, и что этот мир может иметь смысл только тогда, если рядом с ним есть Бог.

22. Книга Екклезиаста является органичной частью Ветхого Завета и является мостом между Ветхим и Новым Заветами. Она поднимает нравственно значимые проблемы; говорит об относительной ценности земных благ, не отрицая ценности жизни; учит смирению перед Богом. Заостряя внимание на смерти, она пробуждает жажду вечной жизни и справедливого божественного суда. Тем самым она подготавливает путь к Новозаветному Откровению.

Результаты исследования могут быть **применены** (область применения результатов):

- в учебном процессе при изучении Священного Писания Ветхого Завета в рамках общих или специальных курсов;
- при проведении дальнейших научных исследований как Книги Екклезиаста, так и других библейских книг литературы мудрости;
- при создании нового русского перевода Библии;
- при составлении современных толкований на Книгу Екклезиаста;
- в церковной проповеди;
- в деле христианской миссии.

По материалам исследования были опубликованы две **монографии**. Результаты исследования представлены в 13 **статьях**, отражающих содержание диссертации, из которых 9 опубликованы в журналах, признаваемых в Общецерковной аспирантуре и докторантуре.

**Результаты проведенных исследований** также были представлены в виде выступлений на 11 **конференциях** и были использованы при **проведении учебных занятий** в Институте теологии БГУ по дисциплинам: «Книга Екклезиаста» (68 аудиторных часов, дисциплина читалась в 2010-2011 учебном году) и «Священное Писание Ветхого и Нового Завета» (тема «Книга Екклесиаста», 4 аудиторных часа в учебный год, дисциплина читалась в 2009-2010, 2010-2011 и 2011-2012 учебных годах).

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения. К основному тексту прилагается библиографический список, таблица «Памятники литературы мудрости в истории Древнего Египта», сравнительная таблица «Книга Екклесиаста и древнеегипетские тексты литературы мудрости», перечень фрагментов древнеегипетских текстов, в которых употребляется термин «сердце». В качестве приложения также представлен текст монографии «Библейская Книга Екклесиаста и литература мудрости Древней Месопотамии», в которой основные положения диссертации иллюстрируются на литературном материале Древней Месопотамии.

## **II. КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

Во **Введении** дается общая характеристика работы, указывается ее актуальность, научная новизна, определяется объект и предмет, хронологические границы исследования, дается характеристика использованной методологии, формулируются цель и поставленные задачи, представлены результаты исследования, область их применения, а также сообщается об апробации этих результатов.

**Первая глава** – «Книга Екклесиаста и проблемы ее изучения» – посвящена рассмотрению вопросов исагогики и экзегетики книги, значимых для проводимого исследования. В ней затрагивается история изучения книги, определяется ее место в межнациональной традиции мудрости и в

библейском собрании, говорится о богословской значимости сравнительного изучения книги в контексте традиции мудрости.

В разделе 1.1 – «Исагогические проблемы Книги Екклесиаста» – определяется место книги в различных традициях библейского текста, говорится о наименовании книги, состоянии текста, древних переводах, проблеме датировки и авторства, особенностях языка, содержании, ряде подходов при определении структуры книги, а также славянских и современных русских переводах.

Еврейский термин  $\text{לְלֵךְ}$  предпочтительно толковать как имя нарицательное, обозначающее род деятельности автора. Греческие переводы отличались очень бережным отношением к тексту оригинала, крайним буквализмом. Поэтому в случае с Книгой Екклесиаста в качестве основы для перевода предпочтительнее использовать именно еврейский (а не греческий) текст. Проблема авторства книги находится на периферии внимания современных исследователей. Автор, не называя себя напрямую Соломоном, стремился косвенным образом подчеркнуть свою связь со знаменитым сыном Давида, так, чтобы читатели сами сделали вывод о нем как о Соломоне. Однако более глубокий анализ содержания текста рождает сомнения в этом. Язык книги, в том числе влияние арамейского языка, несколько персидских слов, свидетельствует о ее послепленном происхождении. В жанровом отношении книга близка к царскому поучению (завещанию). Попытки датировки книги колеблются в тысячелетнем диапазоне. В диссертации время написания связывается с VI – V веками до Р. Х.

Один из наиболее спорных вопросов – вопрос о структуре книги. Изложение материала в книге отличается некоторой хаотичностью, высказываются порой противоречивые суждения. Вместе с тем, для книги характерна общность настроения и внутренний ритм, который ей придают повторяемые рефреном высказывания с термином  $\text{הֶבֶל}$ , выражающим мимолетность, призрачность и бессмысленность всего. Внутренняя хаотичность может рассматриваться как часть авторского замысла. Большой интерес представляет «теория цитат», согласно которой книга содержит своеобразный критический диалог, последовательно цитируя противоположные точки зрения.

В диссертации предлагается следующее строение книги. 1. Надписание с рамочным стихом и прологом (Еккл. 1:1-11). 2. Основная часть, составленная от первого лица, включающая два раздела. В первом разделе преобладает скептическое настроение, и содержатся размышления о мудрости, деятельности и удовольствии (Еккл. 1:12 – 6:9). Во втором разделе преобладает положительный взгляд, содержатся размышления о превосходстве Бога над человеком, проблеме воздаяния, ограниченности человека и необходимости смирения, утверждается позитивное отношение к жизни и деятельности, при этом напоминается о смерти и суде (Еккл. 6:10 – 12:7). 3. Рамочный стих и двухчастный эпилог (Еккл. 12:8-14).

В рамках рассмотрения славянских и современных русских переводов затрагивается славянский перевод святого Мефодия, значимые печатные издания славянских переводов, а также русские переводы XIX – начала XXI века.

Славянские переводы создавались на базе греческого текста с вероятным использованием латинского текста. Первые русские переводы (Г. П. Павского, архимандрита Макария (Глухарева), М. А. Голубева и Д. А. Хвольсона, И. П. Максимовича, Синодальный перевод, «Перевод для употребления евреям», сделанный по инициативе Лондонского библейского общества) опирались в первую очередь на масоретский текст. С греческого текста был сделан перевод П. Юнгера. Значимые переводы последней трети XX века могут быть классифицированы на 1) переводы, связанные с нуждами религий и религиозных конфессий (Шимшона Мидбари (под редакцией Давида Йосифона), Р. Энтина), 2) смысловые и литературные переводы (И. Дьяконова, Э. Г. Юнца, Э. Левина), 3) компромиссные переводы, достаточно бережно относящиеся к тексту оригинала, но учитывающие и современную литературную норму (М. И. Рижского, А. И. Графова, Ф. Гурфинкель).

В разделе 1.2 – «Комментарии, толкования и исследования» – дается широкий обзор толкований книги в Поздней Античности и Средневековье, комментариев и исследований в Новое и Новейшее время, а также комментариев и исследований на русском языке.

В иудейской среде в I-II веках шли споры относительно авторитета этой книги. В христианской Церкви сомнений в каноническом достоинстве практически не высказывалось. Из древних толкователей к еврейскому оригиналу обращались только Ориген и Иероним. От толкований Ипполита Римского, Оригена, Дионисия Великого, Евстафия Антиохийского сохранились фрагменты. Книга затрагивается в «Синописе» Афанасия Великого. Имеется «Переложение Екклесиаста» Григория Чудотворца, который усматривал в книге отражение внутреннего диалога автора. Сохранилось толкование Григория Нисского на первые три главы. Оба Григория обходят одну из важнейших тем книги – проблему воздаяния. Сохранились «Схолии» Евагрия Понтийского и «Комментарии» Дидима Александрийского. Особое значение имеет сохранившееся полностью толкование Иеронима, который видел в книге внутренний авторский диалог и спор с языческими философами. Григорий Двоеслов видел в книге полемику с мыслями волнующейся толпы. Имеются «Катены» Прокопия Газского и диакона Олимпиодора, толкования Григория Агригентского и диакона Алкуина. Сохранился иудейский Мидраш на Пять свитков, комментарий раввина Раши. В первой половине II тысячелетия книгу комментировали Гуго Сен-Викторский, Бонавентура и Николай де Лира.

В эпоху Реформации проявился интерес к переводу Библии и изучению еврейского языка с использованием данных сравнительной семитологии. Это также отразилось в комментариях (в том числе и на Книгу Екклесиаста), в

которых стали привлекать сведения из арабского, сирийского, аккадского языков. Комментаторы стали отходить от традиционного экзегетического подхода, видевшего основное значение книги в признании суетности этого мира. Возникли сомнения в авторстве Соломона, основанные на языковых данных. В дальнейшем было создано огромное количество комментариев. Комментаторы XVIII и XIX века чаще всего рассматривали текст Книги Екклесиаста либо с филологической точки зрения, либо с практической позиции, находя в нем повод для поучения, наставления в духовной жизни.

Научное издание литературных памятников Египта началось только в конце XIX века, поэтому египетский материал начал активно использоваться в исследованиях XX века, или в Новейшее время. Открытые параллели начали вызывать сомнения в богодухновенности библейского текста. В современных комментариях неизменно упоминаются и учитываются параллели между Книгой Екклесиаста и культурным наследием древних народов – греков, египтян, жителей Месопотамии и Восточного Средиземноморья. Предпочтения в определении степени влияния того или иного народа отражаются на датировке книги. Наконец, Книга Екклесиаста стала изучаться в контексте межнациональной литературы мудрости. С середины XX века издаются своды древних ближневосточных текстов, имеющих отношение к Ветхому Завету (издания Джеймса Притчарда 1950 г. и Уильяма Халло 2003 г.). Вместе с тем, ведутся исследования связи этой книги с другими библейскими книгами.

Отечественная библиография, посвященная Книге Екклесиасту, очень скромна. До 1917 года ей были посвящены работы С. И. Смирнова (1823), М. А. Олесницкого (1873-1874), архимандрита Филарета (Филаретова) (1874-1875), И. С. Якимова (1887), Ф. П. Преображенского (1894), епископа Михаила (Лузина) (1900), Б. Титлинова (1901), А. П. Лопухина (1904), П. А. Юнгера (1907, 1916), В. Н. Мышцына (1908). Вопрос о связи книги с древними литературами оказывался вне поля зрения этих авторов. После 1917 года книга рассматривается в работах протоиерея Александра Меня, священника П. Яцурина (1976), М. И. Рижского (1991, 1995), Г. В. Синило, Е. В. Барского и А. К. Лявданского (2008), В. В. Акимова. В новых исследованиях Книга Екклесиаста оценивается как книга литературы мудрости, затрагиваются ее ближневосточные параллели.

**В разделе 1.3** – «Книга Екклесиаста как часть древней ближневосточной литературы мудрости» – определяются общие черты литературы мудрости, дается обзор литературы мудрости Древнего Египта и Месопотамии, выявляется своеобразие библейской литературы мудрости и затрагивается проблема богодухновенности книги в связи с очевидными ближневосточными параллелями.

У истоков литературы мудрости находилась народная мудрость, отражавшая проблемы семейной жизни, трудовой деятельности, отношений человека с близкими и чужими людьми, проблемы социальной справедливости. Первичная литературная форма мудрости – притча. Однако

непосредственное происхождение этой литературы в большей степени связано с городской, школьной, храмовой, а зачастую и придворной средой, где мудрость накапливалась и передавалась в среде писцов, учителей, царских советников, использовалась в деле воспитания и образования. Мудрецы составляли своеобразную третью общественную силу в Израиле после священников и пророков.

Книги мудрых объединяет антропоцентризм, в центре их внимания находился человек сам по себе, человек вне национальных, культурных, религиозных и социальных границ. Они касаются проблем жизни человека в изменчивом мире, поведения человека при различных обстоятельствах, рассматривают вопросы о страдании человека и справедливости, или воздаянии, рисуют образ идеального человека, обладающего правильными качествами и совершающего правильные поступки. Поэтому памятники данной традиции были открыты для самого широкого взаимодействия и взаимовлияния. Они обращены к самой широкой аудитории и зачастую игнорируют традиционную религиозную проблематику.

Литература мудрости имеет практический характер, учит мудрости и искусству жизни. В библейских книгах мудрость из практического искусства жизни превращается в (Пре)мудрость Божию, причастную созиданию этого мира и являющуюся человеку в Откровении. Поэтому и цель этих книг, в конечном счете, перерастает из научения правилам жизни, практической мудрости, в приобщение к Божественной Мудрости, праведности, в научение пути, приводящего к особой близости к Богу. К понятию библейской Мудрости в Египте подходит понятие Маат, а в Месопотамии – МЕ.

Книги мудрости имеют общность и в языке и стиле, имеют поэтический характер, отличаются специфической лексикой, используют такие литературные формы, как притча, числовое изречение, автобиография, дидактическая поэма, диалог, басня и аллегория, дидактическое повествование, молитва. Выделяют два направления литературы мудрости – положительное, отражающее традиционные религиозно-нравственные представления, и критическое, выражающее сомнение в этих представлениях.

В данном разделе диссертации делается краткий предварительный обзор египетских и месопотамских текстов мудрости обоих направлений, подчеркивается связь этих текстов с Библией.

Библейские книги мудрости, соответствуя основным критериям литературы мудрости, являются, тем не менее, органичной частью Библии, проводят общие библейские представления и ценности. Вместе с этим, каждая из них играет в библейском каноне свою особенную роль. Книга Притчей Соломоновых говорит о том, что мир и человеческая мудрость имеют своим истоком Мудрость Божественную. Книга Екклесиаста показывает, что человеческая мудрость без Бога в дальней перспективе совершенно бесполезна, она может обеспечить временное благополучие, но и она сама, и это временное благополучие обесмысливаются на пороге

смерти. Книга говорит об относительной ценности земных благ. Эта книга рождает и смирение, и жажду вечной жизни, Царства Божия. Книга Иова убеждает, что обладание мудростью, теоретическим знанием о Боге без живого устремления к Богу, без жажды богообщения является совершенно бесполезным. Наконец, все эти книги подготавливали к принятию новозаветного откровения, учения о Сыне Божиим как Премудрости Божией, принятию Боговоплощения, учения о Страшном Суде, вечной жизни и Царстве Небесном.

Сходство библейских книг мудрости с подобными книгами языческих народов ставит вопрос об их богодухновенности и о самом понимании богодухновенности. Священное Писание следует рассматривать сквозь призму халкидонского догмата о Богочеловеческой личности Иисуса Христа. Данная мысль высказывалась епископом Сильвестром (Малеванским), П. Лепорским, епископом Кассианом (Безобразовым), Б. Сове, А. В. Карташевым, А. Князевым. В этом случае изучение литературных источников и влияний будет изучением «человечества» сакрального текста.

Такой подход соответствует и православному пониманию богодухновенности Библии, как он выражался С. Глаголевым, П. Лепорским, и согласно которому Божественные истины, богодухновенные идеи выражаются в ней на человеческом языке, языке конкретного народа, конкретного исторического периода, языке, отражающем вполне определенные культурные традиции, а сам текст несет на себе следы конкретной человеческой личности, конкретного священного писателя, свидетельствуя об образованности автора, уровне его культурного развития, его характере, темпераменте, роде деятельности и т. д.

Богодухновенность библейского текста проявляется через наличие в нем богословских истин. Вдохновленные Богом авторы выражали эти истины посредством доступных им человеческих средств. Эти истины касаются в первую очередь Бога и человека. Священные тексты говорят о том, что Бог есть, каковы Его качества, как Он являет себя в мире, о том, что Он есть творец мира и человека, о замысле Бога о человеке, о предназначении человека, указывают на то, каким человек должен быть, чтобы соответствовать божественному замыслу. Библия – это путеводитель к Богу, книга, помогающая человеку укрепить отношения с Богом и через это обрести себя и подлинное счастье, поскольку источником жизни и всех благ человека является Бог.

Земная родословная линия Библии уходит в глубину традиций народов Древнего Ближнего Востока, среди которых – египтяне. В данном разделе диссертации делается обзор связей древнего еврейского народа и его Писания с народом и культурой Древнего Египта, свидетельствующий об их постоянных контактах и взаимодействии. Изучение земной родословной библейской Книги Екклесиаста может помочь лучшему пониманию богословского содержания Книги Екклесиаста, выявлению ее божественного послания.



Во **второй главе** – «Книга Екклезиаста и памятники критического направления литературы мудрости» – проводится сравнительный анализ Книги Екклесиаста и шести египетских текстов критического направления. В начале каждого раздела говорится о состоянии текста памятника, истории издания и перевода (в том числе и на русский язык), о содержании и структуре произведения.

В **разделе 2.1** – «Древнеегипетская «Песнь арфиста» и библейская Книга Екклесиаста» – библейская книга сравнивается с памятником, созданным в эпоху XI династии, в конце III тысячелетия («Песнь» из гробницы Иниотефа), который, как и Книга Екклесиаста, отличается пристальным вниманием к смерти человека. На русский язык памятник переводили А. А. Ахматова (литературное переложение), И. С. Кацнельсон и Ф. Л. Мендельсон, Б. А. Тураев и М. Э. Матье. Кроме «Песни арфиста» из гробницы Иниотефа в сравнительном анализе были использованы «Песнь арфиста» из гробницы Неферхотепа и «Песнь арфиста» из фиванской гробницы № 23.

Скепсис «Песни» обычно связывают с религиозным кризисом переходного периода, вызванным крушением Древнего Царства, с разрушением представлений о божественности фараонов, а также с эпохой переворота Эхнатона. Однако содержание «Песни» следует рассматривать не в контексте социально-политических событий, а контексте развития в Древнем Египте поминального культа. При таком подходе скепсис «Песни» можно воспринимать как реакцию на чрезмерное развитие материальной стороны поминального культа, культовой магии, которое начало происходить с Первого переходного периода. «Песнь» не следует рассматривать как гимн атеизма. Его можно считать религиозным текстом, выступающим против культового формализма, чрезмерного внимания к поминальной магии, напоминающим об этическом элементе в религии и о ценности земной жизни. В тексте эпохи Рамессидов «Восхваление знаменитых авторов», как и в «Песне» упоминаются разрушенные поминальные храмы, покинутые жрецами, покрытые грязью надгробные стелы, преданные забвению погребальные камеры. Однако это не позволяет говорить о скепсисе и вольнодумстве «Восхваления», которое ставит целью подчеркнуть значимость (в том числе и религиозную) поминания человеческого имени. Подобным образом не следует усматривать вольнодумства и в «Песне». Сомнение в значимости погребального культа, но без отрицания религии, звучит и в «Разговоре разочарованного со своим Ба», где упоминаются разрушенные гробницы и дается призыв жить и радоваться жизни.

Такая оценка «Песни» делает недопустимым перевод одного из фрагментов, сделанный Б. Тураевым: «Не слушает тот, чье сердце не бьется (Осирис), жалоб, а слезы никого не спасают из гроба».

В связи с «Песней» затрагиваются свидетельства Геродота, Плутарха, «Путешествия Ун-Амуна в Библ», говорящие о египетском обычае

напоминать о смерти в ходе пиршества с целью призвать человека жить полной жизнью. Сам же призыв «Песни» следовать своему сердцу, возлагать мирру на голову свою, облачаться в одежду из виссона, умащаться дивными, истинными мазями богов и быть веселым следует рассматривать в контексте погребальных традиций, отраженных в Текстах Пирамид и Книге Мертвых. Это призыв не лишать живых того, что делается для тела умершего.

Книга Екклезиаста основной акцент делает на проблеме смерти. Для Ветхого Завета не характерно развитое представление о жизни по смерти, хотя археология позволяет сделать предположение о существовании у евреев ритуала кормления мертвых. Но евреи не отличались чрезмерной заботой о погребениях. Термин  $\text{לִישׁוֹן}$  в Ветхом Завете практически не связан с идеей загробного воздаяния. В центре внимания Ветхого Завета – жизнь. Вера в воскресение и воздаяние по смерти развилась в период после плена, когда происходило крушение религиозно-политических надежд на создание успешного независимого государства. Книга Екклезиаста – одна из немногих книг в Ветхом Завете, которая поднимает вопрос о смысле жизни человека в перспективе смерти, и, кажется, единственная ветхозаветная книга, которая ставит этот вопрос так остро.

«Песнь» и библейскую книгу объединяют общие темы, выражаемые в близких словах и выражениях. Это мысли о мимолетности и постоянной смене поколений на фоне постоянного круговращения солнца, о неотвратимости смерти, невозможности возврата и неизвестности того, что ждет после смерти. Авторы обоих этих произведений осознают, что смерть отнимает плоды трудов человека, поэтому человек в перспективе грядущей смерти должен жить в радости, жить полной жизнью, а также призывают совершать нравственные поступки, заботясь о добром имени. Кроме этих мыслей, два произведения объединяет и сходное употребление образа сердца для обозначения человека в целом или его волевых, эмоциональных или интеллектуальных проявлений.

Вместе с тем, эти памятники в рамках своих традиций выполняют различные функции. Египетский текст, вспоминая смерть, делает основной акцент на жизни человека, видя смысл жизни не только в подготовке к загробному миру, но в самой жизни человека. Библейская книга, не отрицая ценности жизни, делает основной акцент на смерти, поднимает проблему смерти, проблему, которая не получила в ветхозаветной библейской литературе должного рассмотрения, но которая сама по себе пробуждает жажду вечной жизни.

В разделе 2.2 – «Древнеегипетский «Разговор разочарованного со своим Ба» и библейская Книга Екклесиаста» – библейская книга сравнивается с памятником, написанным во время X-XI или XII династии, на рубеже III и II тысячелетий. На русский язык памятник переводили Б. А. Тураев (перевод поэтического фрагмента), Н. А. Мещерский, И. М. Лурье, И. С. Кацнельсон и Ф. Л. Мендельсон, М. Эндель, Т. Шмаков.

«Разговор» имеет четкую структуру, которая определяется и формой диалога, и литературными особенностями текста, в котором имеются прозаические отрывки, притчи, поэтические фрагменты. Структура памятника такова: 1) утраченный фрагмент с прологом; 2) речь Человека, стремящегося к смерти – ответ Ба, удерживающего человека и высказывающего сомнения в необходимости забот человека о земных делах, вероятно, о ритуальной подготовке к смерти; 3) речь Человека о важности поминального культа – ответ Ба с указанием на недолговечность поминального культа, призывом во время дней жизни думать не о смерти, а о жизни, получать радость от самой жизни, с прибавлением двух притчей; 4) речь Человека (из четырех поэтических текстов), описывающая удручающее состояние человека, жизненные трудности и невзгоды, говорящая о сладости смерти (каждый поэтический отрывок написан с использованием анафор; первый отрывок параллелен третьему, а второй – четвертому) – прозаический ответ Ба с обещанием быть с человеком и после смерти. Завершается памятник колофоном. По мнению С. Спириной, центром произведения являются две притчи, которые показывают, что человек должен пользоваться радостями жизни, а смерть и так сама придет в положенное время.

«Разговор» затрагивает проблему зла, человеческих страданий и порождаемого ими желания прекратить течение жизни, учит и терпеливо сносить тяготы жизни, и использовать те радости, которые может дать жизнь. Кроме того, в нем выражается сомнение в необходимости внешних ритуальных действий. Смерть – естественный итог жизни, она не пугает автора, она привлекательна, сладостна, чаема. Но человек не должен стремиться прийти на Запад раньше установленного времени. Памятник словно устанавливает равновесие между жизнью до смерти и жизнью по смерти. В этом он похож на «Песнь арфиста».

Существуют и другие трактовки «Разговора». А. Эрман полагал, что в тексте ведется спор о преимуществах жизни и смерти, и в ходе спора позиции Ба и человека несколько раз меняются на противоположные. Ба даже подталкивал человека к суициду. Такое же понимание было у У. Баджа и переводчиков – И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. Б. Тураев усматривал в «Разговоре» борьбу человека, отстаивающего традиционные ценности, с Ба, подвергающего их сомнению и призывающего наслаждаться жизнью. Б. Тураев считал это произведение противоположным «Песне арфиста» и близким Книге Иова.

«Разговор» объединяет с библейской книгой диалогичный характер. В настоящее время существует тенденция воспринимать «Беседу разочарованного» как монолог, или своего рода внутренний диалог, отражающий размышления отчаявшегося человека, что близко к некоторым трактовкам библейской книги. Диалог человека со своим персонифицированным Ба напоминает диалог Екклезиаста со своим персонифицированным сердцем. При этом, образ Ба, как и образ сердца Екклезиаста, присутствует главным образом в начальной части текста. Оба

автора одинаково используют термины «сердце» и «имя». В данном разделе анализируется проблема понимания египетской концепции Ба. В ходе диалога египетский автор положительно оценивает позицию Ба, а библейский – позицию сердца. Сопоставление двух памятников дополнительно убеждает в диалогичном характере текста библейской книги. Об этом говорит, по мнению Р. Холмстеда, и особенность синтаксиса Книги Екклезиаста – использование личного местоимения первого лица с личными глаголами в первом лице в сочетании с термином «сердце».

В речах Человека из «Разговора» и Екклесиаста поднимаются общие темы: разочарованность в жизни от ее скоротечности и мимолетности, от недовольства жизненными невзгодами и несправедливостью. Высказывается мысль о превосходстве смерти над жизнью, при этом в общих рамках египетского текста мысль о смерти не является страшной и пугающей, а в общих религиозных представлениях Екклесиаста смерть кажется пугающей перспективой. Образ имени (как обозначения человека в целом) связывается с запахами: в «Разговоре» – со зловонием, в библейской книге – с ароматом. Высказывается общая надежда на божественный суд.

В речах Ба и словах из библейской книги сходно говорится о необходимости бережного отношения к жизни, сходно изображается смерть как трагедия (впрочем, для Ба смерть в целом не является трагедией), сходно описываются бедствия, содержится общий призыв наслаждаться этой жизнью и не обременять себя тяжелыми мыслями, одинаково утверждается превосходство жизни над смертью, имеется призыв назидаться через слушание. Оба памятника критикуют некоторые представления, которые являлись традиционными для египетской культуры и библейского понимания мира. Впрочем, сами эти представления различаются. В египетском тексте отражена критика чрезмерного внимания к заупокойному ритуалу. В библейском тексте опровергается устоявшееся мнение о связи между праведностью и успехом в жизни (в этой связи дается совет не быть чрезмерно праведным, но все же бояться Бога и соблюдать Его заповеди, помня о Его суде); высказывается сомнение в авторитетности заповеди о труде (однако этому сомнению противопоставляется убежденность в том, что человек должен трудиться, быть деятельным, активным, а Бог может даровать человеку радость, удовольствие от этого труда); а также выражается сомнение в превосходстве человека над животными. Но особенно отличает эти произведения различный взгляд их авторов на посмертную перспективу. В Книге Екклесиаста таковая фактически отсутствует. В египетском тексте сомнений в блаженной жизни по ту сторону смерти нет, поэтому смерть сладка и чаема, и если она и описывается как печальное событие, то только для того, чтобы отвратить человека от преждевременного ухода из жизни.

В Книге Екклесиаста тема смерти возникает в связи с проблемой поиска смысла человеческой жизни и деятельности, с проблемой понимания места человека в огромном мире. Сомнения в особой значимости человека, в необходимости трудиться выражает в ней автор, производящий

своеобразный эксперимент. Положительные ценности отстаивает в книге Сердце, которое, впрочем, позволяет себе усомниться в некоторых традиционных представлениях. Рассуждения о смысле жизни рождают жажду бессмертия и тем самым подготавливают Новозаветное Откровение.

В «Разговоре» тема смерти возникает в связи с проблемой человеческих страданий. При этом Человек не сомневается в общепринятых истинах. Для Человека Запад сладостнее этого мира, мира живых, для достижения Запада он готов совершить все положенные действия – построить гробницу, обеспечить себе поминальные жертвы. Сомнения в необходимости этих действий выражает Ба человека. Сравнить «Разговор» с Книгой Иова неправомерно, поскольку в нем не акцентируется тема страдания праведника и невинных страданий.

В разделе 2.3 – «Размышления Хахаперрасенеба со своим сердцем» и библейская Книга Екклезиаста – библейская книга сравнивается с памятником, составленным в эпоху Среднего Царства или Второго переходного периода. «Размышления» дошли в единственном экземпляре на доске, где были записаны не позднее середины XVIII династии. На русский язык большая часть текста была переведена Б. А. Тураевым. Перевод всего текста был осуществлен М. А. Коростовцевым

Сохранилась лишь часть текста, структура которого выстраивается по следующей схеме: А (надписание (recto 1) с прологом (recto 2-7)) – В (жажда диалога с сердцем (recto 7-9)) – С (жалобы на зло в мире, обращенные к читателю (recto 9-12)) – В\* (жажда диалога с сердцем в связи с окружающим злом (recto 12-14 и verso 1)) – С\* (жалобы на зло в мире, обращенные к сердцу (verso 1-6)). Можно предложить и другой взгляд на структуру: надписание и три части, каждая из которых завершается обращением автора к сердцу. Содержание памятника перекликается с рядом других египетских текстов, что свидетельствует о единстве традиции мудрости.

Тексты объединяет образ персонифицированного сердца и диалог, в который вступает автор с сердцем. Авторы обращаются к сердцу, но прямого ответа не получают (но о суждениях сердца можно догадываться в библейской книге). Пытливое сердце Хахаперрасенеба очень похоже на сердце Екклезиаста, которое тот также посвятил исследованиям. Оба автора предстают исследователями, приобретающими познание через собственный опыт и при участии сердца. Хахаперрасенеб стремился высказать нечто совершенно новое. Екклезиаст и вовсе проводит ряд экспериментов, высказывая сомнения в ряде традиционных ценностей. Как Екклезиаст в итоге отказался от скептицизма, так и египетский автор отказался от своего намерения стать новатором в слове, выразив общеизвестное стандартными выражениями. Мысль о невозможности высказать нечто совершенно новое, к которой подводится автором читатель «Размышлений», соответствует утверждению Екклезиаста, что в мире нет ничего нового, все уже было в прежние века. В этом контексте еврейское דָּבָר в Еккл. 1:10 допустимо

переводить как «слово» (другие варианты: «нечто», «дело», «вещь»). Эти мысли усиливают общее грустное настроение текстов.

Надписание «Размышлений», характеризующее его содержание как «слова» и «избранные изречения», напоминает и надписание Книги Екклезиаста и сообщение ее заключения о том, что Екклезиаст упорядочил притчи и разыскивал красивые слова. В двух памятниках имеется самопредставление автора с именем, упоминанием рода деятельности и места пребывания.

Очень близки описания бедствий, имеющиеся в обоих произведениях. Бедствия в «Размышлениях» связаны с чрезвычайными историческими обстоятельствами, имеют временный характер. Ранее такого не было. Бедствия, о которых говорит Екклезиаст, являются не временными, а постоянными, характерными для всех стран и народов (например, проблема коррупции). Прежние времена не были лучше этих: происходит то, что случалось и прежде. Все это было, есть и будет всегда. Возможно, что с такими же социальными катаклизмами связаны слова Екклезиаста о гибели богатства от несчастных случаев и о том, что богатством, собранным одним человеком, порой пользуется чужой. Но этот пессимизм Екклезиаста отчасти уравновешивается надеждой на некий божественный суд.

В обоих текстах при описании бедствий используется противопоставление идеала и существующей ситуации; суд, место защиты правды, становится местом беззакония; говорится о нарушении социальной справедливости – сильные притесняют слабых; сообщается о нарушении общественной иерархии – богатые стали бедными и наоборот.

Оба автора высказывают мысль о том, что все люди творят зло. Но в египетском тексте это утверждение связано с конкретными историческими обстоятельствами, в которые все люди стали нарушать правила, а в библейском оно имеет более общий характер, свидетельствует об общей поврежденности человеческой природы. Но самое главное, что отличает описание бедствий в библейском тексте – это развитие темы смысла жизни и страданий праведников, что не затрагивается в «Размышлениях».

В разделе 2.4 – «Обличения поселянина» и библейская Книга Екклезиаста – библейская книга сравнивается с произведением, относящимся к эпохе XII-XIII династий Среднего Царства (XX-XVIII век), но популярным и в XII-XI веке (об этом говорит его фрагмент на остраконе). Текст состоит из прозаической рамки, обрамляющей девять речей поселянина, написанных поэтическим языком в вычурном риторическом стиле. На русский язык памятник переводили М. Э. Матье (частичный перевод), И. С. Кацнельсон и Ф. Л. Мендельсон, а также И. Г. Лившиц, перевод которого наиболее важен, поскольку его автор ставил целью сделать не просто литературный пересказ, но предложить русскому читателю текст, близкий к египетскому оригиналу, и И. В. Рак.

В основе содержания – жалобы поселянина, несправедливо обиженного чиновником. Но жалобы, которые содержатся в поэтической части, касаются

конкретной проблемы поселянина только косвенно, которая является лишь поводом для рассмотрения глобальных проблем, для утверждения важности правосудия, необходимости справедливости, осуждения коррупции. Поселянин убежден в важности, действенности и реальности правды и истины. Забота о правосудии была характерна для памятников Среднего Царства.

В центре «Обличений» находятся проблемы социальной несправедливости, правосудия, которые также волновали Екклезиаста. Однако в «Обличениях» не поднимаются проблемы смерти, смысла жизни и деятельности, которые являются ключевыми для библейской книги. Оба автора возмущаются тем обстоятельством, что справедливость нарушают те, кто должен быть ее гарантом. Они отмечают, что в этом мире простые люди притесняемы, при этом вышестоящие чиновники защищают нижестоящих.

Оба памятника осуждают вымогательство, взяточничество, обличают безудержное человеческое стремление к обогащению и наживе. При этом они упоминают о смерти, которая делает бессмысленным бесконечное обогащение человека. Человек не может унести избыток своего богатства в могилу. В перспективе смерти Екклезиаст рассуждает о смысле деятельности человека, поселянина же волнует только проблема несправедливости. Екклезиаст приходит к выводу о бесполезности человеческих трудов, результаты которых в итоге достанутся другому, говорит о невозможности насытить алчность наживы, о том, что преизбыток собственности бесполезен и только тешит взгляд, что в этом изменчивом мире можно легко потерять богатство.

Авторов обоих произведений удручают проблемы, встречающиеся в человеческой жизни. Размышления по поводу несправедливости приводят к эмоциональному заявлению о превосходстве смерти над жизнью, о том, что лучше умереть, чем жить в таком испорченном мире. Однако обе книги отличаются итоговым оптимизмом. Их авторы видят перед собой совершенно четкий идеал правды, истины, справедливости, гарантом которого является Бог (божества), и считают, что человек должен жить праведно. Призывая совершать правосудие, египетский автор напоминает, что в этом человек уподобляется богам. В библейском тексте также присутствует мысль о том, что справедливость и праведность происходят от Бога. Не смотря на все сомнения в существовании в этом мире воздаяния, Екклезиаст сохраняет убежденность в необходимости верности Богу и Его заповедям, опирающуюся на ожидание божественного суда. Египетский автор имеет еще более оптимистичный взгляд на мир, он убежден, что, в конечном счете, правда победит, зло будет наказано, ложь будет ниспровергнута (что и происходит в соответствии с сюжетом). В обоих текстах с уверенностью говорится о том, что преступник получит наказание (хотя Екклезиаст выражал также и противоположное мнение). Екклезиаст высказывает мысль о том, что наказание неотвратимо, хотя оно зачастую и

задерживается. Эта же идея отражена во всей сюжетной линии «Обличений», где обидчик поселянина получает по заслугам только в самом конце истории.

Осуждая алчность, египетский автор призывает не проявлять чрезмерную заботу о завтрашнем дне. Этот призыв перекликается с общим печальным настроением Книги Екклесиаста, в которой часто подчеркивается бессмысленность забот о будущем, поскольку человек все равно умрет. Слова поселянина внешне напоминают Притч. 27:1 и Мф. 6:34, однако употребляются в совершенно ином контексте, в котором они осуждают преступное обогащение и говорят о неотвратимости наказания.

Оба автора поднимают тему воздаяния. Но если в египетском произведении отражена вера в воздаяние и при жизни, и после смерти (божественный суд), то в Книге Екклесиаста есть сомнения в воздаянии, а о воздаянии после смерти прямо не говорится, хотя слова, упоминающие суд, зачастую толкуются в эсхатологическом смысле. В качестве назидательного примера в «Обличениях» приводится упоминание о том, что после смерти и погребения праведника продолжает жить память о нем. В библейской книге в подобном же контексте упоминается о смерти грешника (Еккл. 8:10). Однако этот отрывок является экзегетической проблемой. Масоретский текст, Синодальный перевод и А. Графов видят в нем сообщение о том, что после смерти грешника забывают. Это созвучно и египетскому фрагменту. Перевод Семидесяти придает этому отрывку противоположный смысл. Есть и другое прочтение, которое исключает из этого текста упоминание смерти и погребения.

В разделе проводится анализ упоминаний в «Обличениях» термина «Маат». Принцип Маат отличается реальностью и действенностью. Следование Маат обеспечивает успех человека в жизни, а нарушение Маат влечет за собой беды. Маат всегда торжествует. Осуществлять Маат призваны властители. Маат противостоят ложь и зло. Этому термину в библейской книге примерно соответствуют термины «мудрость», «заповедь», «праведность».

Также в этом разделе осуществляется анализ использования термина «сердце». Для обоих памятников характерно понимание сердца как органа оценивающего, органа, связанного с эмоциональной, волевой и интеллектуальной сферой человеческой жизни. Однако в египетском тексте нет персонификации сердца.

Оба произведения подчеркивают, что красноречие и мудрость не зависят от социального положения человека, могут быть присущи даже простолюдину. В Еккл. 9:14-15 упоминается бедняк, который своей мудростью спас целый город, осажденный великим царем, хотя и говорится, что после этого о бедняке никто и не вспомнил. Благодаря мудрости юноша, вышедший из тюрьмы, может стать царем, отняв власть у глупого властителя (Еккл. 4:13-14). Оба текста утверждают веру в силу, действенность слова.

И Книга Екклесиаста, и «Обличения» отражают представление об ограниченности человека, не понимающего замысла тех, кто выше него (Бога



или правителя). Человек зачастую не знает и не понимает того, что происходит в его жизни на самом деле. Так, поселянин не понимал, что Ренси симпатизирует ему и просто испытывает его, что даже фараон симпатизировал ему, заботился о нем и испытывал его. В «Обличениях» говорится, что человек не в силах проникнуть в сердце (замыслы) другого человека. Екклезиаст неоднократно противопоставляет человека, который далек от мудрости и не может постичь происходящего в мире, и Бога, замыслы Которого непостижимы для человека (отсюда следует необходимость смирения человека).

Образы царя и вельможи из «Обличения» напоминают образ Бога из Книги Екклезиаста. Бог представлен несколько отстраненно, обобщенно и отвлеченно, о Нем можно сказать главным образом только то, что Он есть, что Он превыше мира, сотворенного Им. Бог далек, дистанцирован от человека, Его деяния и замыслы неизвестны. Но Он контролирует происходящее, готовит суд. Подобным образом и фараон представляется поселянину далеким и отстраненным. В глазах поселянина Ренси был высшим чиновником, а фараон – недостижимым божеством. Но на самом деле фараон наблюдал за поселянином, испытывал его, чтобы совершить свой суд. Отсюда проистекает противоречивость позиций поселянина и Екклезиаста. От незнания реального положения вещей крестьянин то восхваляет, то обвиняет Ренси. Подобным образом, Екклезиаст то сомневается в благости Бога, то проявляет абсолютное доверие к Нему.

В центре обеих книг – человек, надеющийся на высшую справедливость, верящий в торжество истины, размышляющий и страдающий, страдающий в том числе от того, что не в силах постичь сущность происходящих в его жизни событий. Однако происходящая в мире несправедливость имеет для библейского автора тотальный характер, а в египетском произведении речь идет только о конкретном проявлении несправедливости. Кроме того, египетского автора не волновала проблема смысла жизни.

В разделе 2.5 – «Древнеегипетские произведения «Пророчество Неферти» и «Речения Ипувера» и библейская Книга Екклезиаста» – библейская книга сравнивается с памятниками, продолжающими тему человеческих страданий, жизни человека в изменчивом, сложном и противоречивом мире.

«Пророчество Неферти» датируется эпохой XII династии Среднего Царства, XIX-XVIII веком до Р. Х., но было популярно в эпоху Нового Царства, используя в учебном процессе, о чем свидетельствуют десятки копий этого времени. На русский язык «Пророчество» переводили И. С. Кацнельсон и Ф. Л. Мендельсон, Н. С. Петровский, М. А. Коростовцев.

«Пророчество» выполняло важную политическую функцию, утверждало законность фараонов XII династии (поскольку говорило о приходе к власти Аменемхета I), пропагандировало идею процветания страны при новых властителях. Действие в тексте происходит в XVI веке до Р. Х. Однако «Пророчество» – это не только памятник политической пропаганды, но в

первую очередь поэтическое произведение, отличающееся высоким художественным достоинством.

Текст состоит из трех частей: прозаическое введение (строки 1-19), пророчество о смутах и бедствиях (строки 20-57) и пророчество о воцарении царя-южанина, при котором несчастья прекратятся, и восторжествует правда (строки 58-71). Как в целом ряде египетских памятников, в «Пророчестве» имеется рамка, написанная прозой, и основная часть, написанная поэтическим языком. Описание бедствий во второй части напоминает то, что мы встречаем в ряде других египетских памятников, например, в «Разговоре разочарованного», «Размышлениях Хахаперрасенеба» и «Речениях Ипувера».

Авторы «Пророчества» и Книги Екклезиаста пытаются убедить читателя, что события, о которых говорится в их книгах, происходили за полтысячелетия до времени их реального написания.

Фараон, призывающий мудреца, представлен как любитель мудрости, нуждающийся в мудрости, стремящийся к ней, как собиратель мудрых и красивых слов, собственноручно записывающий слова, сказанные мудрецом. Образ фараона в этом совпадает с образом царственного Екклезиаста, коллекционера мудрости, собственноручно записывавшего слова истины. И фараон, и Екклезиаст не считали себя абсолютно мудрыми, знающими, осознавали свою ограниченность и необходимость приобщения к познаниям других людей, даже нижестоящих по отношению к себе. Оба автора разделяют мнение о том, что мудрость не зависит от социального положения человека, но может даже возвысить человека.

Сходно употребляется в обоих текстах термин «сердце», обозначающий или человека в целом, или его эмоциональную и волевою сферу. Возможно, в 20 строке «Пророчества» имеется персонификация сердца (как и в библейской книге), поскольку имеется обращение к сердцу.

Одинаково присутствует в них тема сокрытости Бога, Его непостижимости, отстраненности и отдаленности Бога от человека. Но в Книге Екклезиаста сокрытость Бога является божественным свойством, в то время как в «Пророчестве» это одно из временных несчастий, когда бог солнца Ра на время ослабит свою заботу о стране.

«Пророчество» напоминает Книгу Екклезиаста своими описаниями несчастий, социальных потрясений, постигших Египет. Сходно описание нарушения законности, торжества беззакония. Но в «Пророчестве» все это имеет временный характер. Сходно описывается и нарушение иерархической структуры общества, когда богатые становятся бедными, а бедные богатыми. Оба автора сходно переживают по поводу потери людьми собранного ими состояния. Однако в библейской книге эти переживания связаны в первую очередь с размышлениями о смерти.

По убеждению египетского автора, бедствия затрагивают и мир природы, чего нет в библейском тексте, в котором природа стабильна, не подвержена изменениям. Отличия имеются и в восприятии бедствий, которые с точки зрения египетского автора имеют временный характер, правда будет

восстановлена. Египетский текст имел целью обосновать приход новой династии, поэтому противопоставление периодов хаоса и стабильности являлось важной частью авторского замысла. Для Екклезиаста характерно иное видение несчастий: несчастья постоянны, они были и будут всегда. В Еккл. 1:10, где высказывается эта мысль, слово דָּבָר с учетом «Пророчества» и контекста начала 1 главы можно переводить как «вещь, дело, нечто» (хотя, если связывать Еккл. 1:10 с «Размышлениями Хахаперрасенеба», допустимо переводить דָּבָר как «слово»). Еврейский оригинал допускает двойной перевод и двойное понимание. В русском переводе передать игру слова, свойственную еврейскому оригиналу, невозможно.

На фоне всеобщей безнадежности Екклезиаст высказывает надежду на торжество правды, на суд. Его цель далека от политики и земного прагматизма. Он стремится показать, что вера и доверие к Богу не имеют для человека никакой альтернативы, что человеческая мудрость вне Бога приводит к полному обесмысливанию. Книга Екклезиаста рождает жажду вечности, жажду царства Божия и справедливого суда. Египетское «Пророчество» же не интересуется проблема смысла жизни и воздаяния.

«Речения Ипувера» могли появиться или во время XII династии Среднего Царства, или в Первый или Второй переходный периоды, т. е. в промежуток с XXII по XVIII век. Текст дошел в единственном экземпляре, сложен для перевода и интерпретации вследствие плохой сохранности папируса и ошибок переписчика. На русский язык «Речения» переводили М. Э. Матье, В. В. Струве, И. С. Кацнельсон и Ф. Л. Мендельсон, М. А. Коростовцев.

Текст состоит из семи поэтических и нескольких прозаических отрывков, которые образуют введение, четыре части и заключение. «Речения» описывают постигшие страну бедствия и будущее благополучие (в заключении), которое наступит в правление идеального царя. Традиционно памятник рассматривается как своеобразное мессианское пророчество. Начиная с Иммануила Великовского, исследователи обращают внимание на параллели между описанием бедствий в «Речениях» и библейской книгой Исход, рассказывающей о десяти египетских казнях. Но в большей степени описание бедствий напоминает то, с чем мы встречаемся в Книге Екклезиаста.

Бедствия, о которых говорится в «Речениях» и библейской книге, касаются только человеческой сферы, а природа выступает как фактор стабильности (в отличие от «Пророчества»). Сокращение рождаемости и наполнение реки кровью в «Речениях» связано только лишь с социальными потрясениями и множеством убитых.

В обоих текстах бедствия описываются с использованием противопоставления, драматического контраста между порядком и беспорядком, идеалом и его нарушением (в «Речениях» – между Маат и Исефет). Два автора описывают ситуации, когда происходит нарушение сложившейся общественной иерархии, обнищание богатых и обогащение бедных, когда люди теряют нажитое прежде имущество. Однако когда о

потере имущества говорит Екклесиаст, он имеет в виду в первую очередь смерть. Кроме того, Екклесиаст положительно смотрит на то, что Бог отнимает имущество грешника и передает его праведнику. Не одобряется в обоих текстах и возвышение простолюдинов. Но Екклесиаст с симпатией смотрит на мудрого бедного юношу, который занял место глупого старого царя. Оба памятника изображают нарушение законности и осуждают его. Однако виновниками беззакония, нарушения порядка в «Речениях» представлены простолюдины, а в библейской книге – правящая элита, богатые коррупционеры. Екклесиаст симпатизирует простым людям.

Оба автора выражают мысль о превосходстве смерти над жизнью. В «Речениях» эта мысль связана с масштабом бедствий, в библейской книге – с наблюдениями за происходящей несправедливостью.

Оба автора выражают положительное отношение к религиозному ритуалу. Автор «Речений» выражает призывы поддерживать культ богов и культ мертвых. От нарушения культа мертвых страдают богатые. Екклесиаст также призывает к серьезному отношению к храмовым обычаям, к ответственному отношению к жертвам. В произведениях звучит общий призыв к богопочитанию, хотя у Екклесиаста и выражается сомнение в необходимости принесения жертв. Вместе с тем, храм для библейского автора – это не место кормления божества, а место назидания.

Объединяет произведения мысль о том, что радость от жизни, от богатства человек получает тогда, когда к нему благоволит Бог, и общая мысль о том, что Бог безразличен к человеку, не делает различия между праведником и грешником, Бог бездействует. Проблема кажущегося божественного бездействия порождает рассуждения Екклесиаста о непостижимости Бога и необходимости смирения. В египетском же произведении нет ответа на упрек в адрес бездействующего божества. Как и в других египетских памятниках, несчастья, о которых так красочно рассказывает Ипувер, временны, а проблема смерти и смысла жизни и вовсе не попадает в поле зрения автора.

В **третьей главе** – «Книга Екклесиаста и древнеегипетские поучения» – проводится сравнительный анализ Книги Екклесиаста и трех египетских текстов, которые отражают положительное направление литературы мудрости, выражающее традиционные религиозные и этические представления. В начале каждого раздела говорится о состоянии текста памятника, истории издания и перевода (в том числе и на русский язык), о содержании и структуре произведения. Как и в египетских поучениях, в библейской книге присутствует образ высокопоставленного человека, который многого добился в жизни, и который на исходе своих дней поучает своего сына правилам жизни, призванным помочь в достижении успеха.

В **разделе 3.1** – «Древнеегипетское «Поучение Птаххотепа» и библейская Книга Екклесиаста» – библейская книга сравнивается с памятником, время появления которого относят или к V-VI династиям эпохи Древнего Царства (XXIV век), или к XII династии Среднего Царства. Судя по дошедшим

копиям, памятник был популярен и во время Нового Царства. На русский язык «Поучение» переводили О. А. Камнев и М. И. Соколова. Перевод фрагмента «Поучения» был осуществлен также В. Потаповой.

«Поучение» является руководством по правильному поведению и искусству управления, предназначенным для представителей общественной элиты. В нем престарелый отец поучает своего сына. Текст обладает четкой структурой, которая определяется последовательным расположением наставлений. Наставления обрамляются прологом и эпилогом.

Памятники имеют одинаковую структуру начала: имеют двойное надписание с представлением автора, после первого надписания следуют слова автора в форме прямой речи. Авторы обоих текстов занимают высокое положение, обращаются с поучением к своему сыну. Однако содержание текстов предполагают более широкую аудиторию. А в библейской книге с содержанием контрастирует еще и царственный образ автора.

Оба автора представляют результаты своей успешной деятельности, в которых они превзошли всех, кто был прежде них. Однако отличается положение этих описаний в тексте – в Книге Екклесиаста они даны в начале, в «Поучении» – в конце. Это связано с различием главных целей авторов: Птаххотеп хотел проиллюстрировать действенность своих советов, Екклесиаст – показать относительную ценность богатства.

В произведениях сходно описывается старость, употребляются похожие выражения, когда говорится о женщине, об опасности, исходящей от нее, и о любви к ней.

Оба автора говорят о зыбкости, изменчивости положения человека в мире, о том, что все в мире происходит по божественной воле, что богатство и успех являются божественным даром. Оба подчеркивают, что жизненный успех связан с правильным поведением, поэтому Бог отнимет у нечестивого его несправедливое богатство. Оба имеют общее представление о безличном правосудии, возмездии за нарушение правильного порядка жизни, и общее представление о произвольной воле Божества, которая может нарушать причинно-следственные связи и казаться несправедливой. В египетском тексте между этими представлениями нет конфликта, библейский же текст остро поднимает проблему справедливости и воздаяния, отражает конфликт между принципом справедливости и произвольной божественной волей.

В двух памятниках говорится о необходимости смирения перед теми, кто выше – перед царем и Богом, проводится аналогия между Богом и царем. Библейский автор, не имеющий четких представлений о жизни после смерти, приходит к этому смирению через внутреннюю борьбу. В обоих текстах присутствуют утилитарные мотивы в ряде советов, однако в произведениях сочетается этический и утилитарный подходы в оценке человеческих поступков. Например, в поучениях против алчности.

В разделе анализируется употребление в памятниках терминов «Маат», «мудрость», «мудрый». Представления о египетской Маат близки к библейскому понятию мудрости. Мудрость Екклесиаст связывает с

праведностью. Термин «Маат» также соответствует библейскому термину «заповедь». Маат – истина, отличающаяся действенностью, имеет практический характер, следование Маат обеспечивает процветание, а нарушающих Маат постигает возмездие. Как Екклесиаст превзошел своих предшественников благодаря мудрости, так и Птаххотеп – благодаря деланию Маат. Оба автора верят в итоговое наказание преступников, пусть даже наказание и откладывается.

В обоих текстах противопоставляется мудрый и глупый (хотя у Екклесиаста и звучат сомнения в превосходстве мудрого), подчеркивается, что глупый сам создает себе неприятности. Мудрыми не рождаются, мудрость приобретают. Приобретать мудрость должны стремиться даже властители. Мудрость приобретается через слушание и реализуется в жизни и действиях. Мудрый слушает и молчит, а глупого выдает многословие. Слова обладают большой силой, поэтому человек должен ответственно подходить к тому, что он произносит. Под «прекрасными словами» Птаххотеп понимает мудрые и назидательные слова, а не просто красноречие. С учетом этого, выражение  $\text{רַב־דְּבָרִים}$  из Еккл. 12:10 можно переводить как «мудрые слова». Мудрость не зависит от социального положения, поэтому не следует пренебрегать и мудростью простых людей. В контексте «Поучения» отрывок Еккл. 9:14-15 можно понимать так: мудрый бедняк мог спасти город, но о нем не вспомнили. В полноте мудрость недостижима.

Как и в случае с другими памятниками, сходно употребление термина «сердце», который обозначает или человека в целом, или внутренний мир человека, интеллектуальную, эмоциональную, волевою сферу человека, различные человеческие качества и состояния, является органом нравственного чувства. Но в «Поучении» нет персонификации сердца. Кроме того, сердце выступает в «Поучении» и как орган божественного воздействия на человека, поэтому призыв следовать своему сердцу в египетском и библейском текстах имеет противоположный смысл. Термин «имя» в обоих текстах обозначает репутацию человека.

От «Поучения» Книга Екклесиаста отличается в первую очередь скептическими размышлениями, сомнениями, пристальным вниманием к проблеме смысла жизни, к проблеме несправедливости и воздаяния.

В разделе 3.2 – «Древнеегипетские поучения царей и библейская Книга Екклесиаста» – библейская книга сравнивается с двумя царскими поучениями.

«Поучение Аменемхета», датируемое XII династией Среднего Царства, дошло в документах Нового Царства. Огромное количество копий текста позволяют говорить о том, что это был самый популярный памятник литературы (не включая религиозные тексты). На русский язык «Поучение» перевел М. А. Коростовцев.

Структура текста: 1) надписание, представляющее автора, после которого следует призыв быть бдительным и не доверять окружению (1-5), 2)

описание заговора и покушения на жизнь фараона (6-9), 3) рассказ о великих деяниях фараона (10-13), и, наконец, 4) обращение к сыну с повторным призывом быть бдительным, продолжать дело отца и уничтожать врагов (14-15).

Как и Книга Екклезиаста, «Поучение» содержит наставление царственного отца, обращенное к своему сыну. В обоих произведениях царственные авторы описывают свои достижения. Однако эти описания выполняют различные функции и имеют различные акценты. Египетский автор подчеркивает не богатство, а свою доблесть, мудрость, справедливость, чтобы выделить вероломство заговорщиков, задумавших лишить его престола. Библейский автор делает главный акцент на своем богатстве, полученном им благодаря мудрости, чтобы усилить свою мысль о бессмысленности человеческой деятельности.

В обоих произведениях упоминается неверность и неблагодарность подвластных людей, недолговечность памяти народа и слабость человека, когда он оказывается один, выражается недружелюбное отношение к женщине, выражается озабоченность положением простых людей и осуждается несправедливость. Но если египетский царь показывает себя как защитник бедных и угнетенных, гарант социальной справедливости, то библейский – лишь сетует на нарушение социальной справедливости, отчего вообще возникает сомнение в его царственном достоинстве.

В обоих памятниках выражается положительный взгляд на жизнь, показывается, что человек должен учиться жить, сохранять себя в сложных условиях, быть в жизни активным. Впрочем, в Книге Екклезиаста этот положительный взгляд на мир подвергается сомнению. В египетском «Поучении» нет мучительных размышлений о смысле жизни и человеческой деятельности.

«Поучение Мерикара», время создания которого относят ко времени Первого переходного периода или Среднего Царства, к XXII веку, дошло на трех папирусах Нового Царства. На русский язык «Поучение» переводили М. А. Матье, М. А. Коростовцев, Р. И. Рубинштейн, А. Е. Демидчик и М. И. Соколова. «Поучение» – трактат о царской власти, оформленный в виде завещания отца своему сыну. На фоне кризиса и нестабильности говорится об обязанностях царя и о том, что мир находится под божественным контролем.

Основная часть двух книг обрамлена надписанием и заключением, говорящим об авторе в третьем лице. Содержание «Поучения» и содержание Книги Екклесиасти отражают события кризисных времен, которые поставили под сомнение веру в божественную заботу. Для Египта такие события связаны с Первым переходным периодом, для иудеев – с разрушением Иерусалимского храма, самого Иерусалима, последующим вавилонским пленом и дальнейшими трудностями по восстановлению города и страны. В этой связи данные произведения могут рассматриваться как попытка теодицеи. Кризисный период переживался библейским автором особенно

остро в связи с отсутствием определенных представлений о загробном существовании.

В текстах встречается упоминание об отсутствии сына и брата в контексте грядущей смерти. Екклезиаст описывает страдания одинокого человека, которому некому передать нажитое имущество. Египетский автор говорит о преимуществе царя, который, даже будучи одиноким, может быть уверен в сохранении своего поминального культа. Но у Екклезиаста нет четких представлений о загробной жизни, поэтому он едва ли признал бы такое превосходство царя. Это видно и из отрывка Еккл. 4:13-16, говорящего о смене царей и забвении их памяти.

В обоих произведениях одинаково используются термины «сердце» (только в «Поучении» нет его персонификации), «имя» (обозначает человека, память о человеке, его репутацию). Сообщение «Поучения» о посмертном перемещении Ба напоминает слова Екклезиаста о посмертном перемещении души человека. Одинаково подчеркивается особая сила слова и мудрости. Слово сильнее, чем оружие и может быть хорошим средством защиты. В Египте эта идея могла укрепиться в период кризиса, когда возросла значимость слова в деле укрепления единства страны.

На фоне кризиса, обоих авторов волновала проблема воздаяния. Оба они призывают жить, следуя принятым нормам, памятуя о Боге и суде. Но в библейской книге этому призыву предшествуют серьезные сомнения. «Поучение» противостоит сомнениям в воздаянии, которые возникали в Египте в период кризиса и нашли выражение в «Речениях Ипувера».

Авторы представляют апологию кажущегося божественного бездействия. Бездействие Бога – только кажущееся, поэтому человек не должен опускать рук. Бог скрывается от человека, Он непостижим, но заботится о мире и человеке. Поэтому человек должен проявлять смирение перед Богом. «Поучение», упоминая гибель людей в период кризиса, говорит об этом как о наказании ради общего блага.

Защищая Бога, авторы ссылаются на божественный суд, воздаяние за поступки, что предполагает наличие у них четких представлений о нравственной норме. Нравственная норма в египетском тексте связана с понятием Маат, в библейском – с понятиями заповеди, праведности и мудрости. Оба автора сознают неизбежность смерти, божественного суда, но из слов Екклезиаста нельзя сказать однозначно, что он учил о посмертном суде. Оба сознавали необходимость исполнения религиозного долга, который связан и с нравственной деятельностью, и с культовой практикой, при этом для них следование правде, нравственная деятельность более важны, чем формальное участие в религиозном ритуале.

Однако Екклезиаст и тут проходит через сомнение в необходимости следовать религиозному долгу. Призыв Екклезиаста есть хлеб и одеваться в светлые одежды (Еккл. 9:7-9) в контексте египетского памятника является своеобразной карикатурой на участие в религиозном обряде и является проявлением скепсиса. Екклезиаст отличается большей остротой



переживаний по поводу зла, несправедливости и смерти. Успокоение он находит только в вере в Живого Бога, Который небезразличен к судьбам человека. Екклесиаст приходит к смирению, которое вознаграждается Откровением Бога, явленным в Новом Завете, откровением о человеческом бессмертии, Божественном Суде и Царстве Божиим.

В **Заключении** представлены основные результаты проведенного сравнительного анализа текстов и указывается на возможные перспективы дальнейшего исследования. Сравнительное изучение библейских текстов и текстов связанных с ними произведений Древнего Ближнего Востока способствует лучшему пониманию библейского текста и вносит вклад в экзегетику.

## ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА, ИЗЛАГАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

### Монографии:

Акимов В.В. Библейская Книга Екклесиаста и литературные памятники Древнего Египта. Минск: Ковчег, 2012 – 454 с. (Библейский альманах "Скрижали": Приложение "Монографии по библеистике", № 1).

Акимов В.В. Библейская Книга Екклесиаста и литература мудрости Древней Месопотамии. Минск: Ковчег, 2013 – 296 с. (Библейский альманах "Скрижали": Приложение "Монографии по библеистике", № 2).

### Статьи:

*в журналах, признаваемых Общецерковной аспирантурой и докторантурой*

- 1) Акимов В.В. Литература мудрости: Древний Израиль и страны Древнего Ближнего Востока // Труды Минской духовной академии. № 7. Жировичи, 2009. С. 133-159.
- 2) Акимов В.В. Древнеегипетский «Разговор разочарованного со своим Ба» и библейская Книга Екклесиаста // Труды Минской духовной академии. № 8. Жировичи, 2010. С. 106-127.
- 3) Акимов В.В. Древнеегипетские «Размышления Хахаперрасенеба» и библейская Книга Екклесиаста // Труды Минской духовной академии. № 9. Жировичи, 2011. С. 82-96.
- 4) Акимов В.В. Книга Екклесиаста и древнеегипетские поучения царей // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования». Выпуск 1. Мн.: Ковчег, 2011. С. 65-111.
- 5) Акимов В.В. Древнеегипетские «Обличения поселянина» и библейская Книга Екклесиаста // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования». Выпуск 2. Мн.: Ковчег, 2011. С. 48-90.
- 6) Акимов В.В. Древнеегипетские «Речения Ипувера» и библейская Книга Екклесиаста // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования». Выпуск 3. Мн.: Ковчег, 2012. С. 59-77.
- 7) Акимов В.В. «Что есть благо?»: поиск блага в месопотамском «Разговоре господина с рабом» и библейской Книге Екклесиаста // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования». Выпуск 3. Мн.: Ковчег, 2012. С. 78-86.
- 8) Акимов В.В. Вавилонский «Разговор господина с рабом» и библейская Книга Екклесиаста // Труды Минской духовной академии. № 10. Жировичи, 2012.
- 9) Акимов В.В. Аккадский «Эпос о Гильгамеше» и библейская Книга Екклесиаста // Скрижали. Серия «Ветхозаветные исследования». Выпуск 5. Мн.: Ковчег, 2013. С. 39-78.

*в прочих изданиях:*

- 10) Акимов В.В. «Пустота и веяние ветра»: термины רֵיחַ רְעוּת וְהֶבֶל в современных русских переводах Книги Екклесиаста // Научно-богословский портал «Богослов.ru». Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/2007428.html>. Дата доступа: 28.09.2011.

- 11) Акимов В.В. Человек и природа в библейской Книге Екклесиаста // В ответственности за творение. Культура и образование перед лицом экологических вызовов: доклады научно-практической конференции, Минск, 26-27 мая 2011 г. / под общей редакцией В. В. Кулика. Минск: БГАТУ, 2011. - 292 с. С. 24-27.
- 12) Акимов В.В. Божественная воля в изменчивой жизни человека: «Поучение Птаххотепа» и Книга Екклесиаста // Религия и текст: от практики к теории: Материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 17-18 марта 2011 г. Минск: Издательский центр БГУ, 2012. С. 56-62.
- 13) Акимов В.В. Книга Екклесиаста и древние шумерские поговорки: социальная проблематика // Книга в формировании духовной культуры и государственности белорусского народа : доклады научно-практической конференции. Минск : Ковчег, 2012. С. 59-69.

### **ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КОНФЕРЕНЦИЯХ**

- 1) Конференция докторантов Общецерковной аспирантуры докторантуры им. св. равноапостольных Кирилла и Мефодия (Москва, гостиница «Даниловская», 3-4 февраля 2010 г.), доклад: «Древнеегипетская «Песнь арфиста» и библейская книга Екклесиаста».
- 2) XVI Международные Кирилло-Мефодиевские Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры (Минск, 26-28 мая 2010 г.), доклад: «Древнеегипетский «Разговор Хахаперрасенеба» и библейская Книга Екклесиаста».
- 3) Конференция докторантов Общецерковной аспирантуры докторантуры им. св. равноапостольных Кирилла и Мефодия (Москва, гостиница «Даниловская», 2-3 марта 2011 г.), доклад: «"Что есть благо?": поиск блага в месопотамском "Разговоре господина с рабом" и библейской Книге Екклесиаста».
- 4) Научный семинар кафедры библеистики Общецерковной аспирантуры и докторантуры, посвященный проблемам перевода Библии на русский язык (3 марта 2011 г.), доклад: «Пустота и веяние ветра»: термины «гэвэл» и «рэут руах» в современных переводах Книги Екклесиаста».
- 5) Международная научно-практической конференция «Религия и текст: от практики к теории» (Минск, Институт теологии БГУ, 17-19 марта 2011 г.), доклад: «Божественная воля в изменчивой жизни человека: «Поучение Птаххотепа» и Книга Екклесиаста».
- 6) XVII Международные Кирилло-Мефодиевские Чтения, международная научно-практическая конференция на тему «В ответственности за творение. Культура и образование перед лицом экологических вызовов» (Минск, Институт теологии БГУ, 26-28 мая 2011 г.), доклад: «Человек и природа в библейской Книге Екклесиаста».

- 7) Научно-богословская конференция Санкт-Петербургской православной духовной академии «Актуальные вопросы богословских исследований» (Санкт-Петербург, 5-6 октября 2011 г.), доклад: «Древнеегипетское «Пророчество Неферти» и библейская Книга Екклесиаста».
- 8) Иеронимовские чтения, международная научная конференция исследователей Священного Писания Ветхого и Нового Завета, посвященная памяти Иеронима Стридонского (Минск, Институт теологии БГУ, 28-29 октября 2011 г.), доклад: «Древнеегипетские «Речения Ипувера» и библейская Книга Екклесиаста».
- 9) XVIII Международные Кирилло-Мефодиевские Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры (Минск, 16-18 мая 2012 г.), доклад: «Книга Екклесиаста и древние шумерские поговорки: социальная проблематика».
- 10) IV Международная научно-богословская конференция «Актуальные вопросы богословских исследований» (3-4 октября 2012 г., Санкт-Петербургская духовная академия), доклад: «Месопотамская *«Песнь древних властителей»* и библейская Книга Екклесиаста».
- 11) Вторые Иеронимовские чтения, международная научная конференция исследователей Священного Писания Ветхого и Нового Завета, посвященная памяти Иеронима Стридонского (26 октября 2012 г., Институт теологии БГУ), доклад: «*Шумерское произведение «Ничто не имеет значения...»* и библейская Книга Екклесиаста».